

Разное
(2004–2014 годы)

В феврале

Первый дождь в феврале.
Мокнут вороны.
Вот бы зонтики им раздать!

Брошена лопата
На заснеженный куст.
Куда-то ушел рабочий.

Собака лежит на снегу,
Лапки скрестила.
Как ей не холодно!

Розовый иней
На вершинах берез.
Утренняя заря.

Смотрю на синиц.
Все надеюсь меж них
Лазоревку увидеть.

Хрустит поутру
Подмерзший снежок.
Весело мне идти!

Еле бредет рыбак в тяжелых бахилах.
Как же будет он
Возвращаться с уловом?!

Плачут сосульки.
А люди улыбаются солнцу.
Первая оттепель.

Мусор на подтаявшем снеге:
Шишки, фантик блестящий.
Скоро сорока его подберет.

Горсточка семечек,

Только горстка,
А сколько радости птичкам!

Подул ветерок,
И снежная пыль
Сверкает на солнце.

На заре даже ворона
Любуется инеем –
Забыла про завтрак.

Созвездие Ориона,
Какой геометр
Создал тебя?

Большие синицы
Гонят лазоревку.
Жалко ее.

Ребенок скатился
С сугроба
Прямо на животе.

Серыми стали
Грудки синиц
К концу зимы.

Сквозь узор
Вишневых ветвей
Солнце в тумане.

Круглые фонари
Вдоль аллеи
И круг луны в вышине.

Следы собачьих лап
На рыхлом снегу.
Какие большие!

Оттепель...
Каркают дружно вороны –
Думают: это весна.

Кот идет по забору.
Как осторожно
Лапки переставляет!

Хлеба кусок схватила ворона,
Следом – другой.
И держит оба.

Желтые камыши
На другом берегу.
Жаль – река не замерзла!

Разные хокку

Садовая гвоздика
В заброшенном парке
Среди берез.

Давно сожжена усадьба,
Напоминают о ней
Мелкие маргаритки.

Посадите осень,
И к вам прилетят
Снегири.

Сухая трава...
Как мало снега
Этой зимой.

Мороз, а воробьи
Так расчирикались –
Радуются солнцу.

Золотые кресты,
А верх голубых куполов
Не виден под снегом.

Первой вышла из дома.
Только мои следы
На снегу.

На рекламном щите

Фрукты Машкова.
Третьяковке спасибо!

Пассажир с тюльпанами
Вышел из автобуса.
Будет радостной встреча.

Я люблюсь
Осенними росами
По пути на работу.

Пустые поля.
Только грачи
Да осеннее солнце.

Такса с колокольчиком.
Большие собаки
Боятся тронуть.

В окне машины
Чуть видна
Мордочка собаки.

Пьяный на скамейке,
Рядом собаки.
Все счастливы на солнце.

Гуляет на поводке
Роскошная борзая.
Веселятся дворняжки.

Человек бежит
За собачкой с ее
Калошкой в руке.

Перечитывая Пришвина...

Перечитывая М. Пришвина, я подумала: сколько же животных, диких животных, видел этот человек! А я?.. Что можно вспомнить?

Вот мы с мамой идем в лес. В лесу цветут желтые тюльпаны. Вдруг: вспорх! Птицы не видно. Но птенцы.... Они замерли и почти

слились по цвету с палой дубовой листвой. Один прямо у моей ноги. Боюсь пошевелиться. Наверно, то были птенцы тетерки.

Поднимаюсь на Кара-Даг. Подняла голову – на меня сверху смотрит лисица с длинными ушами. В музее Феодосии узнала, что то была горная лисица.

Гуляем в Абрамцевском лесу весной. Вдруг белочка, маленькая, идет прямо в руки моему знакомому. Голодная? Принесли домой. Кошки страшно разволновались. Пришлось отдать в соседний дом. А она через окно убежала.

Когда зимой кормлю на балконе синичек, ближе к весне прилетают снегири и еще какие-то красногрудые птички. Должно быть, из леса. Не знаю, как их зовут. Но не зяблики. Зяблики появляются позже и прыгают по дорожке. Тогда я вспоминаю строчки Багрицкого:

*Ах, зелена прозябли,
Продуты ветром дни.
Мой подмосковный зяблик,
Начни, начни.*

А на Севере весну начинают трясогузки. Такие веселые и смешные. И еще на штабелях бревен, нагретых солнцем, появляются жуки-дровосеки. У меня всегда щемит сердце, когда по железной дороге мимо меня проходят вагоны с лесом – тот самый запах бревен...

А на Юге ночью нельзя было встать с кровати: кошка приносила жуков – котяткам играть. Темно, электричества нет. Жуки огромные, с одним рогом и с двумя.

Один раз появилось на огороде много-много ежат. Невозможно было сосчитать. Мы поняли – их мать пропала. Пытались накормить молоком, но они только кусали блюдечко за край – лакать не умели. Вместе с соседкой искали ежиху, ходили по домам. В одном месте

сказали, что собака поймала ежа, и его принесли домой, чтобы утром показать ребенку. А утром ежа в комнате не оказалось.

Только на другой день ежиха вернулась к детям. А они уже привыкли гулять. Она хватала ежат по одному за шиворот и уносила под сарай. А ежата снова вылезали. Наверное, она была в отчаянии и куда-то ночью их увела.

Однажды я видела лося. Он стоял далеко, на опушке. Долго стоял.

Вот кабанов не встречала. Осенью, когда ходила за грибами, попадались только их лежбища. Но и это было очень интересно. Легко было представить, как они нежились в этих ямках.

В абрамцевском лесу много заячьих шариков. А самих зайцев не видно. Но мне говорили, когда я ходила за грибами, что они приспособились зимой жить в подвалах абрамцевских дач. И, правда, ведь плохо все-таки спать на снегу или под дождем, хоть и шкура.

Когда вечером холодный дождь, я смотрю в окно и думаю, как плохо животным в такую погоду. Как неуютно в лесу! И немного стыдно, что я в теплой комнате.

Я никогда не была на охоте. И мало видела животных в природе.

Но никого не убивала. Слава Тебе, Господи!

Деревья

Я знаю, что деревьям, а не нам
Дано величье совершенной жизни...

Н.Гумилев

*Уж верба, вся пушистая,
Раскинулась кругом...*

Кроме строчек Фета ничего не припомнилось об этом чудесном дереве. А ведь какие милые у вербы барашки. И не знаешь – какие лучше: беленькие, гладкие или с желтым пушком. В детстве хотелось сделать из чего-нибудь голову на шейке, прикрепить, чтобы получился

утенок, и пустить плавать. А еще верба заменила ветви пальмы, и праздник входа Господня в Иерусалим у нас так и называется – Вербное воскресенье.

А береза – дерево, связанное с Троицей. Правда, на Дону, где я жила в юности, на этот праздник дома украшали ветками вяза – береза там не растет. И самого слова «вяз» там не знали. Дерево так и называли – троица. А с березой связывается у меня опять же Фет, его «печальная береза». Странно: все-таки береза – дерево летнее. И веселое. Недаром на Троицу его украшали, водили вокруг хороводы. Почему не лежит сердце к зимней березе Фета? Может быть, потому, что он увидел ее печальной? На самом деле она и зимой не печальна. Я в детстве впервые поняла, что такое пейзаж, в морозный день утром, увидев опушенные инеем березы на фоне розовой зари. Какая радость!

Еще из бересты делали туеса, пестери, солонки, пастушьи рожки. При слове «береза», прежде всего, представляется ее белая кора. А «Песне Гайаваты» сказано:

Желтой дай коры, береза!

Американская береза с желтой корой. Как это непривычно.

Березка – один из излюбленных мотивов поэзии Сергея Есенина. Но мне кажется, что лучше всего сказал Алексей Толстой:

О. лес! О, жизнь! О. солнца свет!

О, свежий дух березы!

Как пахнет береза после дождя! Еще лучше, чем березовый веник в бане.

А вот осину люди не любят, И кол осиновый в могилу колдуну надо вбить, и дрова-то осиновые плохо горят, не то, что березовые. Частушка даже была:

*А дрова – одна осина,
Не горят без керосина.*

Думаю, что плохое отношение к этому дереву связано с легендой, что на ней Иуда повесился, Хотя какая осина в Иерусалиме? Но вот Майков нашел для осины доброе слово:

Круглый, красный лист осины...

Ведь, правда, какие красивые, красные листья у осины осенью. С ней сравнится разве что клен. А еще под ней растут такие превосходные грибы – подосиновики, с красной шляпкой. Я люблю осину и летом. Стоит повеять самому легкому ветерку, и она уже трепещет листочками, лепечет, щебечет... Самое мое любимое дерево.

Клен все же мало вошел в стихи. Ну, если для рифмы, например, «клены – зеленый». А ведь у него такая красивая форма листьев! Осенью клены хороши: и желтые, и красные... Невозможно удержаться и не поднять лист. Когда под деревом лежит много-много желтых листьев, в пасмурный день кажется, что свет идет не сверху, а с земли. Есенин же почему-то воспел клен «заледенелый». А ведь зимой он мало отличим от других деревьев.

Еще меньше повезло в поэзии ясеню. Имя у него красивое, Правда, форма листьев у него мало интересная. Но зато его семенами кормятся зимой снегири. Под моим окном растет это дерево, и я могу любоваться красногрудыми птичками. Так жалко, что мало ясеня у нас в городе.

Тополь – дерево очень распространенное. У него много достоинств. Но в последнее время тополя что-то стали болеть, сохнуть. Не знаю почему. Но заметила эту особенность тополя еще Анна Ахматова:

Звонко чахнут тополя...

О липе много написано. Больше всего, пожалуй, людям нравится запах ее цветов.

*Неповторимый этот запах,
Доступный понимающе пчел, –*

писал Борис Пастернак. Еще липовый мед. Один из героев Ивана Шмелева назвал его господским. В самом деле – липовые аллеи – необходимая принадлежность всякой дворянской усадьбы. Только вот что никак не могу понять: на лапти шло липовое лыко, а сколько лаптей изнашивали в России! Значит, где-то были липовые рощи. Но почему владельцы разрешали драть лыко? Ведь от этого деревья, наверное, гибли. Совсем непонятно.

В юности я в дубовом лесу нашла осенью на земле лимонного цвета листочек в форме сердечка. Так удивилась! Принесла домой. Мама сказала: «Это липа». Раньше я никогда не видела этого дерева. А вот кора липы, такая темная, мне кажется неприятной.

Дуб – дерево мощное и какое-то далекое от меня. Нет, я могу восхищаться этой мощью. Но все же есть в ней что-то несоразмерное со мной. Но однажды я видела цветущий дуб. Он был похож на цыпленка – такой же пушистый и желтый. Опавшие листья дуба хорошо пахнут. Правда, цвет их просто коричневый. Но летом на листьях иногда растут такие шарики, как маленькие румяные яблочки. В войну из них делали черные чернила. Кажется, варили вместе с ржавым железом. Яблочки хорошенькие, но они следствие какой-то болезни дерева. Желуди тоже имеют совершенную форму. В голод люди их ели. Я проглотить кашу из желудей не могла – спазм в горле. А старуха, глядя на монетки, говорила печально: «Кому колоски, а кому желудки».

Рябина – дерево Марины Цветаевой. Я долго думала, что – бузина, спорила... Ведь писала же Анна Ахматова:

*Темная, свежая ветвь бузины...
Это – письмо от Марины.*

Найти цветаевские стихи о бузине все не удавалось. Но однажды, зайдя в маленький книжный магазин, увидела на прилавке какую-то букинистическую книжку о поэзии для школьников. И, о, чудо! Она сама открылась на строчках:

*Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане,
Зелена – значит, лето в начале!
Синева – до окончания дней!
Бузина моих глаз зеленой!*

*Бузина казнена, казнена!
Бузина цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...*

Да, и рябина, и бузина были для Цветаевой символами родины. А какое дерево вспоминали другие поэты, оказавшиеся в эмиграции? Ирина Одоевцева, в Петрограде любила ходить целый день с охапкой цветов. И Георгий Иванов в стихотворении, посвященном ей, писал:

*Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.*

И страшное стихотворение «Расстрел» Владимира Набокова:

*Но сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг.*

Может быть, черемуху и следует считать символом русской эмиграции?

Строчки из старого, случайно найденного письма

... почему-то я почти утратила способность просто радоваться жизни... Вот я сижу сейчас за столом. Пахнет увядающая таволга в букете. За окном перекликаются дети. Мужской голос советует кому-то взять кота. Мирный летний вечер. Сейчас надо остановиться и идти доваривать варенье из крыжовника. И нет радости в душе.

Продолжаю через день. Да, мысль о том, что «где-то есть простая жизнь и свет...» соблазнительна. Но есть ли она?.. Сегодня такой длинный, расслабляющий дождь. Иногда порыв ветра заполняет комнату шумом листвы. Мышиный горошек в букете стал сизым и частично осыпался на скатерть. И лень стряхнуть увядшие цветки. А между ними маленький-маленький муравей. Он что-то нашел – какой-то крошечный шарик кремового цвета. Может быть, это пыльца. Всё поднимает его, весь вытягиваясь вверх. Зачем? А другой муравей налегке бежал и забежал под Ваше письмо. Надо помнить о нем и не раздавить...

С утра я читала Набокова. Писатель, который вызывает у меня и любовь, и отвращение. Я люблю его «детского», то есть там, где он пишет о детстве. Особенно «Другие берега». Отчасти «Дар». У меня никогда не было терпенья прочесть «Дар» целиком. Утомительны подробности, детали... Правда, в «детском» Набокове их не меньше... Отвратительно, наверное, что он постоянно раздражен, что все люди ему противны... Но сегодня неожиданно восхитила его строчка о том, что ночью выпал небольшой снег, и швейцары сметали его с тротуара. Простая фраза без навязчивых сравнений. И вдруг я увидела блестящие

узкие черные полосы от жестких прутьев метлы и белый, почти просвечивающий на тротуаре, снежок. Загрязненный он откидывается метлой, но между черными полосами еще лежит, такой беспомощный. Нет, не лежит. Лежит, когда слой, когда много. Он держится. Да, он еще держится и сейчас исчезнет.

...не совсем могу согласиться с Вами по поводу японской поэзии. Понимаю, что Вера Маркова могла сказать «липа» про переводы. Это так же, как какой-то, кажется, древнегреческий мудрец сказал в конце жизни: «Я знаю, что я ничего не знаю». Понимаю это бессилье человека, глубоко познавшего японскую культуру, передать по-русски японское стихотворенье. Да, и форма иероглифов, и скрытые цитаты, и символы, и число слогов, придающее особый ритм стихотворению, и, наверное, еще многое другое, что она не может передать, что понятно лишь посвященным. Но и не зная или почти не зная всё это, человеку остается еще прямой смысл. Вот Вы написали о сосне на берегу моря под порывами ветра. Хорошо вспомнить сосну. На берегу моря сосны особенные. Я видела под Кенигсбергом. Похожи на пинии на итальянских пейзажах. Совсем не такие, как в лесу. От морского ветра они принимают особую форму – становятся широкими и как бы сплюснутыми...

Хорошо сидеть в редкой сквозной тени сосны, на песке, ощущать всем телом ласку ветра... Жарко, тихо, сухо. Звон коры и звон кузнечиков. На песке двойные порыжевшие иголки и шишки сосны. Если разжевать верхушку молодой шишки, а удержаться от этого невозможно, – сухая горечь во рту. И в любой момент можно спуститься туда, вниз, к морю, в его синеву... Голубое небо с белыми облаками, и белый-белый песок, от которого больно глазам. И куст шиповника с бледными цветами, как будто выгоревшими на солнце. Почему-то вспоминается: «Шиповник Подмосковья, увя, при чем-то

тут...», хотя шиповник не подмосковный, а прибалтийский. И не японские сосны. А еще кусты золотого дрека, и следы весенних пожаров, которые устраивают люди. И полосы от граблей – их каждый вечер тащит лошадь, потому что это граница. Как лоснится в слове «лошадь» ее коричневая спина. Вечер наступил. Закат. «Солнца контур старинный, золотой, огневой, апельсиновый и винный над червонной рекой...».

Надо остановиться. Встать из-под Вашей сосны. Ведь ее еще можно увидеть с капельками дождя на иглах или силуэтом при луне («Луна рисует тушью сосну на небесах...»). Японский пейзаж тушью, их пагоды, так напоминающие по форме именно хвойное дерево с ярусами веток. Можно подумать о шатровой форме наших северных деревянных церквей, напоминающих ели...

Другой человек, прочитав Вашу строчку о сосне, вообразит что-то другое. Вы даете свободу для воображения. Тайна настоящих стихов в свободном пространстве для читателя...

Да, я знаю, что сосна в Японии – символ вечности. Мысль может пойти и в этом направлении. Можно вспомнить Кая, который в царстве Снежной Королевы складывал слово «вечность» из льдинок. Тут же возникнет «На Севере диком...». И т.д. Не в этом дело. Пусть я почувствовала одну десятую или даже одну сотую того, что испытывает японец, читая хокку, – свет настоящего искусства я ощутила. Подумайте, что сказал бы о нас византийский иконописец X, допустим, века, узнав, как мы восхищаемся иконами века XVI века. Только отблеск великого искусства в русских иконах. Только отблеск. И обдал бы нас презрением византийский художник за то, что чтим мы ремесленную поделку. Но за ней мы видим, как-то прозреваем то великое искусство, дававшее порой ослепительные вспышки, например,

в творчестве Феофана Грека. Хотя чаще – это беспомощное и бессмысленное повторение.

Но если мы сравним самого плохого иконописца XVI века с самым известным художником конца века XIX, бравшимся за религиозные сюжеты, например, с Виктором Васнецовым... Вот тут-то и видна разница. Там хоть крупница настоящего искусства...

Стихи рядом

В лесу зимой всегда много следов. Интересно их рассматривать. Борис Пастернак писал:

*По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам...*

Я бы никогда не отличила лисий след от собачьего. Вот птичьи следы понятны. Видно, что скакала- скакала какая-то птица, потом – порх! – след от крыльев. А вот следы четырех маленьких лапок... И тоже след вдруг обрывается. Это белка. Вскочила на дерево. Собачьих следов всегда много. У домов – аккуратные следы кошек. А иногда ну никак не догадаться, кто такой прыгал, маленький. Тут ветер дунет, и все поймешь: листочек сухой, согнутый. Ветер гонит его по снегу, и остается загадочный след.

Читаю Игоря Северянина:

*В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый, и сладкий снег...*

Красная рябина и снег. Какое сочетание! Всегда думала, что такое бывает лишь на рождественских открытках. Но был год – снег выпал, когда рябина еще была ярко-красной, и лежал горками на кистях.

А еще осенью сами вспоминаются веселые стихи Елены Благиной:

*На припеке посижу
И на шелковинку
Аккуратно нанижу
Ягод-рябинку.
Бусы горькие надень
Веточка-ветка!
На тропинке тень,
Солнечная сетка.*

Дорога в Тихую бухту. В голове строчки Волошина:

*Я иду дорогой скорбной
В мой безрадостный Коктебель...*

Почему «безрадостный»? Может быть, они написаны такой же холодной весной? Ветер с моря хлещет, порой несет меня, дует в плащ, как в парус. Птиц над морем не видно. Степь пустынная, серая. Вдруг слышу: кто-то посвистывает. И тропинку мне перебегают какой-то зверек. Возвращается. Замирает. Я тоже стою неподвижно. Смотрим друг на друга. Глаз у зверька черный, и еще одна черная точка где-то у виска. Он в траве, и мне видно только мордочку. Делаю шаг – исчезает. Суслик? Нор много. И все в этом месте, закрытом от холодного морского ветра холмом, наполнено мелодичным свистом: пить-пить. Возвращаюсь – те же звуки. И опять дорогу перебегают суслик. Тот самый, наверно. И делается почему-то ужасно весело.

Больше всего люблю деревья, у которых листья не зеленые, а серые, с зеленым оттенком. Это облепиха, маслина, а в нашей местности ива. Ее еще вербой называют или ветлой. На берегу Пажи есть такие деревья. Это дерево любила Анна Ахматова:

*Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву...*

*Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел...*

Эти строчки А. Блока всегда вспоминаются, когда проезжаю мимо поля клевера. Только в последние годы что-то редко его сеют.

Как-то случилось мне быть весной в Переславле-Залесском. Приехала на «Ботик». Рядом село Веськово. И овраг, весь полный цветущей черемухи. Ожили вдруг самые пронзительные стихи русской поэзии:

*О, сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг.*
(Вл. Набоков)

А выйдешь ранней весной в лес, и ...

*Возле козлиного копытца
Синеет травка–медуница...*

Обязательно вспомнятся эти строки Велимира Хлебникова, хоть никаких коз рядом и в помине нет.

А на закате, при ясном небе, у водохранилища в Тишкове сами собой появляются в памяти строки Андрея Белого:

*Контур солнца старинный
Золотой, огневой,
Апельсинный и винный
Над померкшей рекой...*

Выпадет снег, ударит морозец. Спешешь на работу. Еще темно. И снег скрипит под ногами. Идешь, а в голове строчки А. Фета:

*Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали...*

А осенью...

*Мой сад с каждым днем увядает
Помят он, поломан и пуст.
Лишь пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст.*
А. Майков

Это, конечно, если посчастливится увидеть настоящее чудо – ярко-оранжевую настурцию.

Пойдешь осенью за грибами, и тоже – Майков:

*Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу.
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.*

А иногда И. Бунин

*Грибов уж нет, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной...*

Нет, наверное, такого явления природы и такого состояния души, чтобы не возникли в памяти строки русских поэтов. И как прекрасно, что они есть. Это «праздник, который всегда со мной».

Воспоминания о Самарканде

Зеленый чай в чайхане. Старики долго переливают его из большого чайника в пиалу и обратно, прежде чем начать пить.

Соленые косточки урюка.

Среднеазиатские лепешки. И черствые они великолепны.

Маленькие изящные подковки на базаре. Для осликов. Так жаль, что не купила.

Благородно выцветшие красные ковровые мешки, перекинутые через спины осликов.

Расписные тыквочки для табака.

Горы желтых дынь.

Клетки с кегликами на базаре. Они развлекают пением неторопливых торговцев. Откормленных птичек съедают.

В Шах-и-Зинда голубые мавзолеи как плещущее море.

Красные маки на земляных кровлях.

Гнезда аистов на минаретах в Бухаре.

Запомнившиеся места Москвы

Андроников монастырь. Тишина за оградой. В высокой траве маки, ромашки, васильки... Островок покоя в душном и шумном летнем городе.

МХАТ. «Дни Турбиных». В последнем действии на сцене елка в серебряной мишуре. Никаких пестрых елочных игрушек. Странно и красиво.

Силуэт Новодевичьего монастыря ранним утром. Центральная глава немного больше других и чуть приплюснута, а остальные как будто подрастают, тянутся за ней. Колокольня. Ее ярусы вырастают один из другого. И пруд возле монастыря!.. Даже не пруд, а старица Москвы-реки. Лебеди, утки. Раньше берега не были одеты камнем. С мостика можно увидеть промелькнувшую в глубине рыбешку.

Академия художеств. Выставка пейзажей Станислава Жуковского. Окна открыты. Ветерок доносит запах сена – напротив подстригли газон. Дама, продав билет, говорит мне что-то приятное. Посетитель, случившийся тут, спрашивает, почему у нее такое хорошее настроение.

– Я сижу в солнечной комнате, с прекрасными картинами. Как же может не быть хорошего настроения?! – отвечает она

Запах свежесмолотого кофе. Как хорош он в магазине на Кировской, против почтамта. И весь магазин, с японскими вазами, отделанный лакированным деревом, так красив, что даже, если ничего не надо купить, хочется зайти.

Исторический музей. Фарфоровые цветы вокруг большого зеркала. Но после ремонта этого экспоната уже нет почему-то.

Одной строчкой...

Как длинны стихи хайку. Порой довольно одной строчки для тех, кто не лишен воображения и умеет читать медленно.

*Кружка хорошего квасу в жаркий день.

*Черная собака породы ньюфаундленд.

*Нагрудное украшение из щетки аметиста в художественном салоне.

*Вымытые после зимы окна.

*Скорлупа грецкого ореха, как панцирь черепашки.

*Запах белья, принесенного с мороза.

*Кресло-качалка.

*Запах березы после дождя.

*Запах березы после дождя.

*Золотой пляж под Феодосией.

*Перевернутый ковш Большой Медведицы в окне.

*Снежинки на темном рукаве пальто.

*Первая бабочка весной – белая или желтая.

*Совсем маленькие котята, только что обсохшие.

*Запах палых листьев дуба.

*Гудение пчел над полем клевера.

- *Мелкие маргаритки в подстриженном газоне.
 - *Заячья лапка на земляном валу Радонежа.
 - *Запах багульника и пух хлопчатки на болоте.
 - *Перстень с коктебельским халцедоном.
 - *Русская печка в дождливое лето.
 - *Крепкий чай утром в поезде.
 - *Окрошка в жаркий день.
 - *Цветущая верба среди голых еще деревьев.
 - *Ледок на луже над воздушным пузырем – так и хочется наступить.
 - *Разноцветные цветы примулы перед обычным зданием.
 - *Ветки с яблоками, лезущие в окна.
 - *Запах пристани – зеленой плесени, мокрого дерева, смоленых канатов.
 - *Скорлупа ярко-голубого маленького яичка на черной земле.
 - *Лиловые и белые крокусы в Александровском саду Кремля.
 - *Купанье в теплом озере.
 - *Выставка собак.
 - *Китайские вазы – белый, синий, оранжевый и золотой цвета.
 - *Золотые иволги в волошинском саду в Коктебеле.
 - *Мгновенная стайка свиристелей на рябине.
 - *Стеклянные ягоды калины.
 - *Кошачьи следы на свежавыпавшем снегу.
 - *Серебряная вещь, начищенная до блеска.
- И еще многое другое.*

В середине 1990-х годов Андрей Владимирович Трубецкой предложил мне приехать к ним на дачу в Озерецкое – мы в музее тогда задумали выставку «Князья Трубецкие в нашем крае». Объяснил, как найти и сказал приметку: в одном окне стекло заменено картонкой. Прошла я мимо церкви. На ней даже была какая-то табличка охранная, но впечатление такое, что по южной стене долго стреляли из пулемета, не говоря уж об остальном. Нашла избу по приметке. Трубецким хотелось поселиться, чтобы и от Ахтырки, родовой усадьбы Трубецких, было недалеко, и от Дмитрова – там прошла юность Елены Владимировны (семья Голицыных была выселена из Москвы и поселилась в этом городе). Озерецкое как раз подошло: на полпути между Хотьковом и Дмитровом. Избу приобрели в 1970-е годы, с большим трудом. Потом их обворовали, разбив окно. Так и жили с картонкой.

У дома – яблони, кусты малины и смородины. Как-то через несколько лет предложила мне поехать в Озерецкое приятельница. Приехали, а Трубецких не застали. Калитка у них не закрывалась. Вошли мы, а под деревьями все усыпано яблоками – земли не видно. Посидели мы, яблоч поели.

А еще был случай: договорилась я с Трубецкими приехать к ним в Москву. Приезжаю, а у них прихожая картошкой завалена. Из Озерецкого, своя. И мне с собой картошки дали, сколько могла унести. И еще топинамбур у них на участке рос. Тоже мне его как-то Елена Владимировна давала. А когда попросили у нее что-нибудь для выставки, она дала чудесные натюрморты. Запомнилась написанная акварелью банка с огурцами.

За домом болото с клюквой. Ой, как здорово ходить по такому болоту босиком. Кочки моховые мягкие-мягкие и пружинят под ногой.

А провалишься – вода холоднющая, и это очень приятно. И ноги никогда после не болят.

А дальше озеро. Купаться одно наслаждение – такая вода теплая. И цветут белые кувшинки. Но был случай – кто-то разрушил лесенку для схода. Прыгнуть-то я в воду прыгнула, а назад никак. Страшно было.

Один раз помню: сын Трубецких колот дрова возле дома, вдруг кричит: «Идите, идите скорее!» Мы с Еленой Владимировной выскочили. А вдали у леса лось стоит. И долго стоял неподвижно.

Однажды я приехала по каким-то делам, не предупредив. Мобильных телефонов тогда не было. А у Трубецких в Озерецком гостили две внучки: Анна и Елизавета, пятый и седьмой класс. Сели обедать. Елена Владимировна дала по тарелке супу, сваренного с «ножкой Буша». Ножка одна. За столом, включая меня, пять человек. Тарелку с курятиной она подала Андрею Владимировичу. Я подумала: как это правильно – он глава дома. Потом была лапша «ролтон» и крупный помидор, разрезанный на пять частей. Сидевшая рядом с Андреем Владимировичем девочка, тихо спросила его: «А можно еще лапши?». – Спроси у бабушки», – так же тихо ответил он. Эти девочки не вмешивались в разговоры взрослых. На вопросы отвечали спокойно и вежливо. Я смотрела на них и думала: нет, таких детей не бывает. (Как раз незадолго перед этой встречей мне довелось руководить кружком в одной из хотьковских школ для детей такого возраста).

А в другой раз застала я в Озерецком еще одного их внука – Дмитрия. Ему, должно быть, не было и четырех лет. Бабушка с дедушкой просили его рассказать мне «Мойдодыра». А он задичился незнакомого человека и не слушался. Через какое-то время Трубецкие приехали на открытие одной из музейных выставок. И вспомнив о том

эпизоде, просили извинить за неподобающее поведение внука. За поведение маленького ребенка!

В один из моих приездов Елена Владимировна показала проект реставрации церкви в Озерецком. Самое трудное – говорила она, согласования. И впрямь, проект был весь в подписях и печатях. И все они были получены ею в бесконечных хождениях по инстанциям. Один вопрос ее особенно беспокоил: какого цвета были стены. Мне казалось, что не стоит заморачиваться – сделать желтый, как у большинства памятников архитектуры того времени (церковь 1811 года). Елена Владимировна предложила пойти к церкви. Мы вошли внутрь. Весь храм в цветах. Множество букетов уже увядающих цветов. Должно быть, это было вскоре поле праздника Троицы. А стены серые, цементные, пола нет... Это было так странно. И печально и радостно. А в окна лился вечерний свет.

Обошли мы церковь снаружи. Все пытались отыскать хоть малюсенький кусочек окрашенной штукатурки. Но стены при ремонте еще в конце XIX века обмазали цементом. Наверное, из-за этого они так выглядят, будто по ним стреляли. И везде возле церкви валялись обломки белого камня. Необычно, что в начале XIX века так обширно его применили для деталей, да еще при строительстве сельской церкви. И тут я обратила внимание на то, что низ стен, цоколь, сохранил кое-где следы окраски. Использовали, видимо, масляную краску, стремясь создать впечатление дикого серого камня с прожилками красного и желтого.

Каково было мое удивление, когда в следующий мой приезд, Елена Владимировна показала дополнение к проекту реставрации с указанием мой фамилии.

По-зулусски

Я в электричке очень даже ездить люблю. Происшествия всякие случаются, драки. Встречи бывают, слов нет, какие интересные. На платформе тоже встречи бывают. Вот как-то летом я из Москвы домой возвращалась. Вечером. На платформу в Абрамцеве выхожу. Вижу – баба стоит. Стоит баба – вперед меня из вагона вышла. У ней две сумки громадные. И растерянно так стоит, глазами поводит и шепчет что-то. Нельзя, думаю, так оставлять человека. Куда Вам, говорю, надобно? (А у нас рядом тут больница психиатрическая областная находится, так что, может, думаю, ее туда проводить надо будет). А баба и говорит: «В поселок академиков мне надо. Да не знаю, в какую сторону идти». В какой, спрашиваю поселок? Объясните точнее. У нас, говорю, тут два поселка: художников-академиков и ученых-академиков. А сама думаю, если к художникам, то направление, конечно, покажу, но провожать нипочем не пойду. Знала я одного художника. Человек он, слов нет, интересный, про деньги хорошо рассказывал: сколько тысяч в день зарабатывают. Но только потом обязательно на бутылку попросит. А если не дашь, то хоть на билет на метро. И долги нипочем отдавать не хочет.

А баба и говорит: «Ученых-академиков». Отлегло у меня от сердца. На радостях я у нее сумки выхватила. Давайте, говорю, через линию Вас переведу. Потому – если к академикам, то линию непременно переходить надо. А стоим мы, говорю, на середине. На середине платформы, то есть. Так что хоть вправо, хоть влево – один черт. Ну, баба и рада, конечно, но за сумки вроде пугается. А эти сумки задаром никто у ней не возьмет. Ну, прямо неподъемные сумки. Вот, думаю, баба жадная. Накупила продуктов – не поднять. А я тут таскай ей.

А баба расстраивается: «Я, говорит, неужели такая старая, что мне уж сумки носить помогают?». Не волнуйтесь, говорю. Темно же на платформе, ни черта не видно. Не разглядела я, сколько лет Вам. А просто у меня настроение хорошее. И чтоб она не сильно расстраивалась, разговор на другое перевожу. Я, говорю, слышала, что в том поселке зайцы зимой в дачах живут, под домами. Правда, иль нет? «Насчет зайцев ничего, говорит, не знаю». А кто Вы, спрашиваю, будете? «А я, говорит, первый в нашей стране специалист по зулусскому языку». Я остановилась даже. Скажите, прошу, что-нибудь по-зулусски. А она мнетя: «Не знаю, мол, что сказать». Про зайцев, говорю, скажите. «Да нету, говорит, в Африке зайцев. Не знаю, как заяц по-зулусски будет». Тут видит она, что я сумки сейчас брошу. Заторопилась: «Живут, говорит, там животные, уши только поменьше, да хвост длинный. Сейчас я Вам скажу».

И тут она как щелкнет языком, как чмокнет, как свистнет... Ни черта не понятно, но здорово. Еще раза четыре я ее повторить попросила.

Наконец, мы до дачи дошли. Тут я ей на прощанье говорю вежливо, но с намеком. Семья, говорю, у Вас, наверно, большая – продуктов уж больно много накупили. А она мне: «Это не продукты. Это, говорит, у меня докторская диссертация. А Вы, говорит, мне очень понравились. Приезжайте ко мне в Москву чай пить». И адресок дала.

Мне интересно посмотреть, как доктора живут. Особенно которые по-зулусски умеют. Приехала. Квартира, слов нет, превосходная. Три комнаты, кухня, санузел отдельный. Вещей много, но ремонта лет двадцать, видно, не делали. И уборки никаких следов нет. Посреди одной комнаты шуба висит, фиолетовая. В другой – мебель ломаная. Ну а в третью я только одним глазом заглянула – вижу кровать неприбранная. Я туда и не пошла. Из вежливости.

А баба, доктор, то есть, будущий, чай наливает и сахарницу ставит. А хлеба, говорю, не дадите ли? Ах, нет, говорит, – я хлеба в доме не держу. На европейский манер живу, хлеба не употребляю». Ну, думаю, хорошо я масла не спросила. Если масло даже и есть, так ведь его в чай не положишь – не калмыки мы всё же. Подождала немного, думала, может варенье даст или хоть конфет. Ничего не дает. На европейский манер. А, может, у докторов варенье варить не принято.

Выпила я чайник заварки, еще раз кипятку налила, потом еще... Чайника четыре выпила и неохота больше. А она любезно предлагает: «Давайте в комнату перейдем. А чайник я на газ поставлю. Он у меня со свистком – услышим». Нет, говорю, напилась я от души. Спасибо за гостеприимство.

Ну, докторша эта про литературу разговор заводит, всякие интеллигентные вещи говорит, стихи читает. А я думаю, эх, хоть корочку бы хлеба сейчас пожевать, а тут стихи на голодный желудок слушай. Ну, да что поделаешь? В гостях всё же, не дома.

А баба стала тут интересные вещи говорить: про зарплату, про гонорары, и сколько командировочных платят, когда в Африку она к зулусам ездит, и почему за каждую черную аспирантскую голову получает. Аспиранты к ней со всей Африки едут. А она их и зулусскому учит, и банту и еще каким-то языкам готтентотским. Все языки она насквозь превзошла.

Стала я прощаться, а она и говорит: «Знаете, мне вот за квартиру платить сейчас надо, а я не при деньгах. Не одолжите ли?». – Я, говорю, тоже не при деньгах, доктор. – «Да, может, у Вас дома есть?». – Дома немного найдется. Я сейчас зарплату и премию получила. – «Так я к Вам завтра и заеду, – говорит. – Адресок дайте».

Что делать? В гостях все-таки, не дома. Отказать неудобно. Дала адрес.

На другой день вечером она и заявляется. Денежки заняла.

Третий месяц пошел. А я как теперь ни позвоню ей, кто-то на непонятном языке отвечает. Эх, горе – не знаю я языков этих африканских!

Тайное общество

(1970-х годы)

Недостаток общения, страдание от одиночества. Но не Робинзоны ведь, не в избушке лесника живем. Не тот уровень общения? «Вот если бы попасть в другое общество...». Ну, а попал? Застенчивость. Страшно раскрыться.

Вот всем вам, тоскующим о «роскоши человеческого общения», говорю: есть в Москве место, где собираются люди необыкновенные. Избранные Богом. Отмеченные Им печатью. Заговорят там с вами, и у вас разверзнутся уста. И откроются уши. И выслушаете Вы слова участия. И легче станет вам в горе вашем, ибо, что дороже слов участия?

И увидите вы слезы искренние и радость светлую. И нити, связывающие людей, обретете.

А придти в тот храм можно в любой день, кроме дня воскресного. И не надо ни блата, ни рекомендации, ни платы денежной. Всяк может войти, да не всякий идет. Только Богом отмеченный. И люди эти узнают друг друга. Редко зайдет человек посторонний, человек, якобы отмеченный. Снимает он себя знак тайного ордена, не по праву присвоенный, и уходит. Нечего ему делать, среди людей этих.

Что же это за тайное общество? Как людей узнать, Богом отмеченных?

Вот они, люди эти. Девочка. Веснушки на круглом лице. На синем шарфе собака привязана. Через день сидит тут девочка, порой с часу до

шести. Укола ждет. И так уже четыре недели. А раньше каждый день сидела. Подойдет очередь, сделают укол собаке, развяжет девочка шарф, положит свою Мушку за пазуху, поедет на автобусе на Савеловский вокзал, потом на электричке домой.

– До свидания, девочка. До послезавтра.

А пока не уехала, других утешает:

– И ваша собачка поправится. У моей Мухи тоже чумка была. Месяца два уколы поделаете...

Кошка тигровая тихо в сумке сидит. При кошке мужчина в кепке и девочка в платочке, маленькая.

– Жена сегодня на работу поехала, вся от слез опухла, – говорит мужчина. – Так кошку жалко. Может, и не лишай это?

– Может, авитаминоз.

– Что тетя говорит, папа? Не возьмут Мурку?

– Не знает тетя.

– А у Вас-то большой какой! Что у него?

– Да тоже плешь.

– Не отдал бы кошку – такая ведь умная – на постели спит. Да вот девочка...

– Не волнуйтесь так. Сейчас облечат кошку лампой. Узнают – лишай или нет.

– Папа, что тетя говорит? Будут лечить Мурку?

А эта женщина застенчиво молчит. Кошка черная глаза таращит из сумки. Вошла женщина в кабинет, вышла, а не уходит. Ждет чего-то. Стоит. Сумку на стул поставила.

– Что с Вами?

Шепотом:

– Родить не может. Укол врач сделал. Если не поможет, везти надо – операцию делать.

Идет из-под лампы человек в кепке, радостный.

– Нет лишая.

– Слава Богу!

В автобусе битком. Держаться не за что. Сумку над головой подняла, сама падаю.

– Сумку давайте подержу.

– Да нет, у меня кот там. Пусть при мне будет.

– Ребята, женщину с котом держите!

Несколько молодых сильных рук подхватывают меня.

– Вот такси не нашла...

– А как кота-то зовут?

– Каэтан.

– ???

– Каэтан. Человеческое это имя, польское.

– А-а-а!

Приехали. Метро «Динамо».

А ведь, пожалуй, и эти – Богом отмеченные. До встречи, ребята.
На Юннатов, 14.

Похороны Сталина

Бюллетени о здоровье по радио... В трамвае, в метро тихо. И только две девушки как ни в чем не бывало говорят что-то о танцах. Все вокруг угрюмо молчат.

На заборах плакаты заклеены белым. Кое-где на белом выделяются прямоугольники газеты с траурным сообщением. Ветер отрывает и выворачивает белые листы. Под ними яркие плакаты к 8 марта.

В институте у нас траурный митинг. Многие плачут. Таня Герасимова потом сказала, что видела, что у меня дрожал подбородок.

Думала – сдерживаю слезы. Нет, это я безуспешно старалась заплакать. Из неясного страха.

Очередь к Колонному залу. Мы, студенты, встали где-то у Трубной площади. Долго стоим. Очередь иногда начинает продвигаться вперед. Потом пятится назад. Так тесно, что уже нельзя повернуться. Входим на какие-то ступени, потом спускаемся с них спиной. Мелькает мысль: оступишься – затопчут.

С двух сторон очередь зажимают грузовиками. Кто-то жалуется, что все время приходится перехватывать портфель – он вращается вокруг хозяина. Я обнаруживаю свою руку в чужом кармане.

Первым не выдерживает Саша Шкроб, наш отличник. Уходит домой. Мы уже разъединены на небольшие группы. Потом одна из девочек пролезает к нам:

– Я нашла выход! – Берет меня за руку, я беру еще кого-то. Так цепочкой, согнувшись, пробираемся между колесами грузовика.

Та бойкая девочка лезет в очередь опять и выводит кого-то еще.

– А где Саша Эршлер? – беспокоимся мы.

– Он калошу потерял. Сказал, пока не найдет, не вылезет.

Радуемся:

– Ну, значит, ему еще не так плохо.

Я замечаю калошу, валяющуюся возле колеса. Поднимаю Таню Герасимову на грузовик. Она машет калошей и кричит. Саша вылезает. Самое удивительное, что калоша была его. После похорон говорили, что калош вывезли несколько грузовиков.

Идем по Петровке. Заходим в булочную, покупаем по булке, жуем. И нападает смех. Смеемся, избежав смертельной опасности. Не приходит в голову, как опасен был тогда этот неуместный смех.

Но скоро наступает растерянность: мы в ловушке. Все выходы с Петровки заставлены грузовиками. Милиция не выпускает. Мечемся

взад и вперед по совершенно пустой, вымершей улице. Проходим пустым Петровским пассажем. Кто-то из студентов-москвичей предлагает идти проходными дворами. Заходим под какую-то арку. Топот копыт. Саша Эршлер, растерянный, оказывается на середине пути. Рывком дергаю его к стене. Проносится конная милиция.

Наконец, удается упросить какого-то милиционера выпустить нас в переулок. Разъезжаемся по домам.

Наутро мы снова в институте. Оказывается, все у кого есть телефон, вечером снова собрались и пошли к Колонному залу. Володя Лауфер рассказывает, что какая-то баба, спасаясь от толпы, залезла на газетный киоск. Киоск обрушился. Валя Савельева пришла в пальто без единой пуговицы.

Решаем идти снова. Теперь – по улице Горького. Конная милиция. Хлещет нагайками, теснит конями. Как в царские времена, думаю я.

Идем в обход, переулками.

Яркий снег под солнцем. Забор. Человек красит забор дегтем. Этого не может быть. И я хватаюсь новой бирюзовой варежкой за забор. Ведь этого не может быть. Никому бы я не поверила, что в такой день среди снега и толпы человек мог красить забор. Кто он был? Сумасшедший? Варежки пришлось выбросить – от дегтя очистить было нельзя.

Загадки Бориса Пастернака

М.Ю. Муравьева литературоведческой заметке «Внутренняя форма слова и творчества Бориса Пастернака» (Пастернаковское лето. Произведения с конкурсов имени Бориса Пастернак. Сергиев Посад, 2006) пишет, что поэт прячет, затемняет значение слова, чтобы обновить для нас впечатления бытия. Она приводит примеры: «Детство

Люверс», стихи «Июль», «После дождя» и некоторые другие. Интересно посмотреть, проявилась ли эта особенность в стихах, созданных Пастернаком в нашей местности, притом, что он был ими не особенно доволен. Мы читаем:

*И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела:
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела.
(Сирень)*

*Но ты уже предупрежден.
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан.
(Ландыши)*

Один и тот же прием: загадка, разгадка которой дается тут же, через двоеточие.

А в стихотворении «Пространство» отгадка как бы оттягивается, появляясь в первой строке намеком. Окончательная разгадка дается в конце второй строфы:

*К ногам прилипает наждак,
Долбеж понемногу стихает.
Над стежками капли дождя,
Как птицы в ветвях, отдыхают.*

*Чернеют сережки берез.
Лозняк отливает изнанкой.
Ненастье, дымясь, как обоз,
Задерживается по знаку...*

В стихотворениях «Любка» и «Приближение грозы» предмет стихотворения назван местоимениями «они» и «ты». Слово, предмет обозначающее, есть в названии, но, как замечает Муравьева, сама пишущая стихи, «названия даются после, и для самых недогадливых».

Согласившись с этим утверждением, перечитаем стихотворение «Любка».

*Недавно этой просекой лесной
Прошелся дождь, как землемер и метчик.
Лист ландыша отяжелен блесной,
Вода забила в уши царских свечек.*

*Взлелеяны холодным сосняком,
Они росой оттягивают мочки,
Не любят дня, растут особняком
И даже запах льют поодиночке.*

*Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье,*

*Тогда ночной фиалкой пахнет все:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.*

Во второй строфе появляется местоимение «они», но к чему отнести его, не вполне ясно. Это вторая редакция стихотворения. В первой редакции поэт разъяснял: вторая строфа начиналась словами: «О них и речь...». (Загадка осложняется еще и ботанической путаницей, так как царской свечкой называют растение, известное под названиями коровяк и медвежье ухо).

Ничего, на первый взгляд не проясняет и третья строфа. Она даже выглядит отступлением от темы. И только упоминание о запахе ночной фиалки в последней строфе дает ключ к разгадке. Ведь ночная фиалка (любка), увиденная и сорванная днем, начинает пахнуть только ночью, «когда на дачах пьют вечерний чай», и тогда все ассоциируется с ее запахом.

Если убрать название стихотворения «Приближение грозы», то вряд ли по первым строчкам даже самый проницательный читатель догадается, к кому обращается поэт:

*Ты близко. Ты идешь пешком
Из города и тем же шагом
Займешь обрыв, взмахнешь мешком
И гром прокатишь по оврагам.*

Намек на ответ содержится в конце первой строфы – в слове «гром». Но само слово «гроза» так и не появляется на протяжении всего стихотворения. Она сгинет, «так и не открыв разгадки шлемов и костюмов». А читателю остается только гадать, почему у поэта возникли такие развернутые ассоциации этого явления природы со сражением. Вызвало ли эту ассоциацию посвящение стихотворения Якову Черняку, в прошлом, во время гражданской войны, комиссару дивизии, или наоборот ассоциация побудила выбрать для посвящения это лицо?*

Как верно заметил Корней Чуковский, Пастернак писал стихи, «не заботясь о том, чтобы они были поняты всеми».

*В 1920-е годы Я. Черняк был секретарем редакции журнала «Печать и революция» и написал рецензию на книгу Пастернака «Сестра моя – жизнь».

Опубл.: Пастернаковское лето. Произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака. Сергиев Посад, 2006. С. 126–128.

Борис Пастернак: язычник и христианин

Природы праздный соглядатай...

А.Фет

Ни звука. И нет соглядатаев.

Б.Пастернак

*Чудная картина,
Как ты мне родна –
Белая равнина,
Полная луна.*

Такие с детства знакомые стихи Фета. Пейзажная лирика. Поэт смотрит, наблюдает. Он соглядатай. Видит, подмечает тончайшие нюансы пейзажа, соотносит со своими мыслями, своим состоянием. Гениальная лирика. Классическая.

А у Пастернака? Пастернака, как принято считать, написавшего столько стихов о природе? Его стихи переполнены растениями, дождями, метелями. Пейзажи? Скорее это изображение толпы. Толпы живых существ. «Гениальный дачник» – окрестили его собратья. Дача в их глазах нечто похожее на башню из слоновой кости. А он живет в переполненном общежитии, независимо от прописки. Вокруг все живое. Все движется, чувствует, реагирует на окружающую обстановку. Лес стонет, весенний грунт мечтает, заря впивается в залив, простор давится солнцем, льды раскричались, улицам холодно, февраль горит, земля волнуется, сады и электрички плывут, сгорая и захлебываясь. И это только в двух стихотворениях: «Ледоход» и «Весна».

Порой объекты природы входят в непосредственный контакт с поэтом: ночи садятся играть с ним на лунном полу в шахматы («Марбург»), солнце ему соболезнует («Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...»), поэт и березняк всматриваются друг в дружку («Ландыши»). И сама поэзия – что-то живое. Ведь ее можно положить на зеленую садовую скамейку, как греческую губку («Весна»). (В смоченной греческой губке было принято перед Пасхой проращивать зерна овса, чтобы превратить ее в зеленое гнездышко). И стихи могут читать не только люди. Можно дать их читать сырым углам, и тогда задекламирует чердак («Про эти стихи»). И тень тоже может читать книгу («Зеркало»).

Мы утверждаем, что «На лугах лица нет, у прудов нет сердца, бога нет в бору» («Воробьевы горы»). Ведь нам, обычным людям, дан другой мир. И Пастернака мы не понимаем.

Может быть, он ощущал мир, как ощущали его наши далекие предки тысячи лет назад. Когда язычество было их религией, а мир представлялся огромным хаосом. И вот в наше время родился человек с прапамятью. Так иные рождаются с лапами вместо ног. «И хаос опять выползает на свет, как во времена ископаемых» («Любимая – когда любит поэт...»).

Но через «много-много лет» поэта встревожил голос Бога («Рассвет»). Это стало для него потрясением. А что же природа? Неужели она осталась во тьме язычества? Оказывается – нет противоречий между храмом природы и храмом Бога:

*Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.
(«Когда разгуляется»).*

А в стихотворении «На Страстной» поэт открывает нам тайну: природа испытывает к Богу те же чувства, что и человек.

*Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.
И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград.
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.*

Пастернаку, пришедшему к Богу, захотелось переписать свои ранние стихи, переделать... Но это было уже невозможно.

Опубл.: Маковец (газета Троице-Сергиевой Лавры). 2012. № 12.

Цвет в поэзии Бориса Пастернака

Февраль. Достать чернил и плакать!

Строка из раннего стихотворения, которым открываются многие сборники Пастернака. Фиолетовая строка... Фиолетовыми были в ту пору чернила. Да разве само слово «февраль» не фиолетовое?

Этот цвет, часто высветляющийся до лилового, то есть сиреневого окрашивает у поэта и звук грозы, и лес, и жару:

*И слышно гам ученья там,
Глухой, лиловый, отдаленный.*

«Июльская гроза». 1914;

*Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловы глаза и газоны,
И пахнет сырой резедой горизонт.*

«Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...». 1917

Раздается удар грома, и меняются даже лица людей:

*...В их лицах было что-то адское,
Их цвет был светло-фиолетов.*

«На днях, в тот миг, как в ворох корпии...» 1921;

Пятнистые пятаки, лиловых, как лес, сыроежек.

«Пространство». 1927;

Луга мутило жаром лиловатым...

«Орешник». 1917;

И на лете налет фиолетовый...

«Но и им суждено было выцвести...». 1917.

Лиловым мог быть и соловей:

*Разрывая кусты на себе, как силок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловей,
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,
Бился, щелкал, царил и сиял соловей.*

«Маргарита». 1919.

Бунин однажды сказал, что поэзия началась тогда, когда появилось слово «лиловый». Смелое заявление. Тогда надо отрицать и поэзию Пушкина. Может быть, Бунин имел в виду поэзию Нового времени? Если так, то он прав. У Пушкина лилового, кажется, не было. Люди не сразу научились четко различать цвета. Известно, что древние греки не видели, что море может быть синим. До сих пор в тюркских языках слово «кок» означает и зеленый, и синий, и голубой. Возможно, раньше не особенно вглядывались, считали несущественными оттенки цвета? Ведь и в живописи использовали условные цвета для отображения разных планов пейзажа. Революция произошла в конце XIX века с появлением живописи импрессионистов. И вот уже у Вертинского возникает «лиловый негр».

Лиловый – цвет, характерный для модерна. Вспомним Врубеля. Может быть, модерн и определил такую тягу раннего Пастернака к лиловому? Или это связано и с какой-то особой любовью к сирени? Не раз это растение встречается в его стихах. Сирень появляется с грозой, с ливнем:

Гроза, как жрец, сожгла сирень...

«Наша гроза». 1917;

*Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.
Меркла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний...*

«Гроза, моментальная навек». 1917;

*Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь.*

«Ты в ветре, веткой пробуящем... 1917.

Но вот уже сирень становится воспоминанием о молодости:

*Далекая молодость в сотах
Седая сирень расцвела.
Уж где-то телеги и лето,
И гром отмыкает кусты,
И ливень въезжает в кассеты
Отстроившейся красоты.
И чуть наполняет повозка
Раскатистым воздухом свод, –
Лиловое зданье из воска,
До облака вставши, плывет.*

«Сирень». 1927.

А во «Втором рождении» уже нет цвета, нет и сирени. И только позже, в начале 1940-х, у поэта рождаются необычные строки, говорящие о каком-то очищении, освобождении. И тут снова сирень....

*А ночь войдет в мой мезонин
И, высунувшись в сени,
Меня наполнит, как кувшин,
Водою и сиренью.
Она отмоев верхний слой
С похолодевших стенок.
И даст какой-нибудь одной
Из местных уроженок.
И распутившийся побег
Потянется к свободе,
Устраиваясь на ночлег
На крашеном комодe.*

«Переделкино». 1940, 1942.

В стихах Пастернака вообще цвета не много. В поздних сохраняется синева неба, но больше появляется теплых цветов. Он не дает четких названий, чаще прибегает к сравнениям, видимо, желая передать оттенки.

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка...*

«Август». 1953;

*В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.*

Там же;

*Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.*

«Без названия». 1956;

*Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.*

«Золотая осень». 1956;

Край неба так ржав и багрян...

«Ветер». 1956;

*Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.
Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города клен...*

«В больнице». 1956;

*Луч солнца, как лимонный морс,
Затек во впадины и ямки
И лужей света в льдину вмерз.
Он стынет вытекшею жижей
Яйца в разбитой скорлупе ...*

«Следы на снегу». 1957.

Лиловый встречается, но редко.

«Оттепель»! Время, когда верилось, что

*...воспоминание о полувеке
пронесшейся грозой уходит вспядь.*

И тут же гроза и сирень – снова символы обновления и
очищения:

Пронесшейся грозой полон воздух.

*Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.*

«После грозы». 1958.

Письма Пастернака – летящий почерк, лиловые буквы. От листка бумаги исходила эманация свободы, полета. А что если всё пристрастие к лиловому объясняется цветом чернил? Главное у поэта стихи, а они ведь были лиловыми:

*Я вишу на пере у творца
Крупной каплей лилового лоска.*

(1922).